

СОРОКИН Дмитрий Евгеньевич

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
профессор, научный руководитель

Финансовый университет при Правительстве РФ

125993, РФ, г. Москва, Ленинградский проспект, 49

Контактный телефон: (499) 943-98-55

e-mail: ds@fa.ru

Политическая экономия устойчивого развития¹

Обосновывается положение о том, что главной материальной причиной, не позволившей достичь поставленной в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года стратегической цели перехода к устойчивому развитию, является моральный и физический износ технологической базы российской экономики. Предпринимаемые в этом направлении меры приносят ограниченные результаты, что в стратегической перспективе создает главную угрозу национальной безопасности. Соответственно ключевой целью стратегии социально-экономического развития на предстоящий период должен стать перевод российской экономики на новый технологический уклад, чему необходимо подчинить все разделы стратегии и оценочные показатели. Переход к новому технологическому укладу обеспечивается отраслями, образующими технологическое «ядро саморазвития» (производство средств производства для производства средств производства). Создание такого «ядра» требует наличия определенного набора институтов. В сложившейся ситуации невозможно обойтись без институтов государственной инвестиционной активности, которая может дать значимые результаты лишь при поддержке со стороны критической массы предпринимателей. Для этого необходимо наращивание предпринимательского спроса на новую технику и технологии. Формирование такого спроса требует не только экономических преференций для предпринимателей, осуществляющих обновление технологической базы, но и институтов, предотвращающих риски нового государственного вмешательства экономики, т. е. институты должны обеспечивать предсказуемость экономической политики, формировать позитивное восприятие высокотехнологичной продукции инвестиционного назначения и общественную поддержку предлагаемой стратегии.

JEL classification: E230, E610

Ключевые слова: устойчивое развитие; стратегия; технологическое обновление; конкурентоспособность; машиностроение; предприниматели-новаторы; предпринимательская уверенность; общественное сознание.

Вместо введения: время подводить итоги

До конца второго десятилетия XXI века осталось чуть более трех лет. Вместе с тем 2020 г. не просто одна из «круглых» дат, к которым принято подводить итоги и намечать новые горизонты развития. Это финишный год реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года². Поэтому итоги, с которыми страна подойдет к данному рубежу, неизбежно будут сопоставляться с целями, обозначенными в Концепции.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 15-02-00354 «Промышленная политика в условиях реиндустриализации и становления нового технологического уклада»).

² Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

Сложившиеся к настоящему времени социально-экономические тренды и прогнозные оценки позволяют уже сейчас осуществить соответствующий анализ. Это важно, так как идет активная работа по подготовке стратегии на среднесрочный (до 2025 г.) и долгосрочный (до 2030 г.) периоды. Содержание ее в значительной степени должно определяться уроками, которые можно извлечь из хода реализации ныне действующей Концепции.

В преамбуле Концепции-2020 были сформулированы четыре взаимосвязанные стратегические цели:

- 1) устойчивое повышение благосостояния российских граждан;
- 2) обеспечение национальной безопасности;
- 3) динамичное развитие экономики;
- 4) укрепление позиций России в мировом сообществе.

Можно констатировать, что благодаря последовательным действиям, направленным на восстановление национального военно-промышленного комплекса и укрепление вооруженных сил Российская Федерация ныне способна эффективно противостоять геополитическим угрозам. Вместе с тем материальной базой сохранения этой ситуации в стратегической перспективе является динамичное (устойчивое) социально-экономическое развитие страны, однако реальная динамика прошедшего периода не позволила достичь заявленных в этой части целей.

Уже в следующем после принятия Концепции году сокращение объема ВВП на 7,8% прервало почти десятилетний период высоких темпов экономического роста¹. Начавшийся после кризиса восстановительный период продемонстрировал не устойчивое развитие, а устойчивое замедление роста российской экономики (табл. 1).

Элементарные расчеты показывают, что абсолютный размер прироста ВВП в 2010 г. оказался меньше, чем в 2008 г. Дальнейшее замедление темпов роста привело к его фактической остановке в 2014 г., после чего в 2015–2016 гг. последовал полноценный экономический кризис². Хотя в 2017 г. экономика демонстрирует некоторое оживление, но даже при реализации целевого сценария Минэкономразвития России³ ожидаемые итоги 2020 г. будут в 2–3 раза отличаться в меньшую сторону от ключевых микроиндикаторов, предусмотренных Концепцией-2020 (табл. 2)⁴.

Главное не в том, что сложившаяся и прогнозируемая макроэкономическая динамика не реализуют ключевые цели Концепции – обеспечение динамичного развития экономики и устойчивое повышение благосостояния российских граждан, а в том, что такая динамика подрывает саму возможность перехода к устойчивому социально-экономическому развитию в период после 2020 г. В стратегической перспективе это ставит под угрозу национальную безопасность и соответственно позиции России в мировом сообществе.

В утвержденной по итогам расширенного заседания правительства под председательством Президента России 31 января 2013 г. первой редакции Основных направлений

¹ Здесь и далее, если не указано иное, источниками являются опубликованные данные Росстата и Минэкономразвития России или расчеты на основе этих данных.

² Исключение – сельское хозяйство, где были приняты специальные меры государственной поддержки.

³ Представлен на заседании Правительства РФ 6 апреля 2017 г.

⁴ Видимо, единственной из целевых макроиндикаторов Концепции-2020 (правда, наиважнейший) ожидаемая продолжительность жизни при рождении – будет достигнут (и может быть даже превзойден). Уже по итогам первого этапа реализации Концепции (2012 г.) этот показатель превысил целевой уровень (70,2 года при планируемых на этот год 70 лет), а по итогам 2016 г. он составил 71,9 года. По заявлению вице-премьера О. Голодец по итогам первого полугодия 2017 г. этот показатель составил 72,6 года (Российская газета. 2017. 15 авг. С. 2), в то время как к 2020 г. предусматривался показатель в 72 года.

Таблица 1

Динамика социально-экономических показателей РФ, % к предыдущему периоду

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,5	1,3	0,6	-3,7	-0,2
Инвестиции в основной капитал	9,5	-13,5	6,3	10,8	6,8	0,8	-1,5	-10,1	-0,9
Промышленность	0,6	-10,7	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7	-3,4	1,1
Строительство	12,8	-13,2	5,0	5,1	2,5	0,1	-2,3	-4,8	-4,3
Реально располагаемые денежные доходы населения	2,4	3,0	5,9	0,5	4,6	4,0	-0,7	-3,2	-5,9
Розничный товарооборот	16,5	-5,3	7,6	8,2	6,3	3,9	2,7	-10,0	-5,2
Платные услуги населению	4,3	-2,5	1,5	3,2	3,5	2,0	1,0	-1,1	-0,3
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	9,4	-4,5	4,3	5,8	5,9	3,5	1,7	-8,8	-4,1

Таблица 2

Макроэкономические индикаторы РФ 2020 г., % к 2007 г.

Показатель	Концепция-2020	Прогноз Минэкономразвития	
		базовый	целевой
ВВП	225–229	115,5	118,7
Производительность труда	239–251	119,6	121,4
Инвестиции в основной капитал	387–412	114,5	131,4
Реально располагаемые денежные доходы населения	251–265	115,8	118,8

деятельности Правительства РФ на период до 2018 года отмечалось, что снижение темпов прироста ВВП до 2–3% в год «...критически мало. При такой динамике валового внутреннего продукта не удастся сбалансировать экономические и социальные составляющие развития страны». Такая постановка обосновывалась тем, что при нынешней физической изношенности материально-технической базы экономики прирост в 2–3% способен обеспечить лишь замену естественного выбытия элементов производственной базы (простое воспроизводство), а для перехода к устойчивому расширенному воспроизводству требуется не менее чем 5%-ный прирост. И хотя в принятой двумя годами позже новой редакции Основных направлений это положение исчезло, никто из экспертного сообщества не ставил под сомнение указанные расчеты. Однако даже при условии реализации целевого прогноза Минэкономразвития в период 2013–2020 гг. среднегодовой прирост ВВП составит только 0,9%, т. е. намного ниже «красной черты», обозначающей границу, за которой начинаются социально-экономические дисбалансы. В экономической практике последних лет это, в частности, выразилось в сокращении в реальном выражении инвестиционных программ, вложений в развитие национального человеческого потенциала (образование, здравоохранение), что неизбежно скажется на стратегических перспективах страны. Более того, ни базовый, ни целевой варианты прогноза Минэкономразвития не предусматривают восстановление потерь реальных денежных доходов населения в 2015–2016 гг. В случае реализации базового варианта этот показатель окажется меньше, чем по итогам 2012 г., а при целевом едва приблизится к уровню 2013 г.

Соответственно главной и неотложной задачей является достижение перелома сложившихся трендов социально-экономического развития. В экономической политике это выразилось в поручении Президента «...подготовить ... и утвердить комплексный план действий Правительства Российской Федерации на 2017–2025 годы, в котором предусмотреть меры, обеспечивающие достижение не позднее 2019–2020 годов

темпов роста экономики Российской Федерации, превышающих темпы роста мировой экономики»¹.

На конец августа текущего года этот план не был обнародован. Согласно целевому сценарию темп прироста мирового ВВП в 2019–2020 гг. предполагается на уровне примерно 2,9% в год, в то время как российский ВВП в 2020 г. должен выйти на прирост в 3,1%. Однако такие темпы прироста сохраняют экономику у «красной черты» несбалансированности. Соответственно стратегия, определяющая экономическую политику за пределами 2020 г., должна обеспечить устойчиво повышательный тренд экономического роста на длительную перспективу, что требует сосредоточения на устранении фундаментальных причин, породивших нынешнюю ситуацию.

Фактор технологий в развитии российской экономики

Материальные причины сложившейся ситуации хорошо известны экспертному сообществу: низкая конкурентоспособность обрабатывающих секторов экономики в части производства продукции высоких степеней обработки и с высокой долей добавленной стоимости, сложившаяся еще во времена СССР. В новейшей истории России это выразилось в резком сокращении производства в обрабатывающих отраслях в 1990-е годы. Если объемы производства в добывающих секторах экономики к 1998 г. снизились по отношению к 1991 г. на треть, то в обрабатывающих секторах сокращение составило почти 60%. Конечно, на обвальном падении производства сказались и резкое падение экспортных цен на энергосырьевые ресурсы, составляющие основу российского экспорта, и разрыв хозяйственных связей в результате распада народнохозяйственного комплекса после развала СССР, и «шоковые» экономические реформы. Существенную роль сыграло и то обстоятельство, что произошедшее в тот же период открытие внутреннего рынка начало вытеснять продукцию российской обрабатывающей промышленности уже не только с внешнего, но и с внутреннего рынка из-за ее недостаточной конкурентоспособности.

Переход к экономическому росту 1999–2008 гг. опирался, с одной стороны, на стабилизацию экономики, осуществленную правительством под руководством Е. Примакова на рубеже 1998–1999 гг., с другой – на естественную конкурентоспособность продукции сырьевых отраслей в сочетании с изменившейся в положительную для них сторону конъюнктуру мировых рынков². Однако в ходе этого роста не происходило адекватного

¹ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 5 декабря 2016 г., п. 16. Срок – 30 мая 2017 г.

² Если в 1992–2008 гг. среднегодовое снижение цены на экспортируемую из России сырую нефть составляло почти 5%, то в 2000–2008 гг. ее среднегодовой прирост составлял почти 25%; «Высокие темпы роста, достигнутые в последние годы, почти наполовину базировались на опережающем росте физических объемов экспорта и повышении цен на нефть» // Уточненный прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2006 г. и основные параметры прогноза до 2008 г. Минэкономразвития России, 2005; «В 2004–2007 гг. фактор внешнеэкономической конъюнктуры обеспечил 42–50% роста» // Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг. Минэкономразвития России, 2009; «Внешнеэкономический фактор (рост цен на нефть и спроса на сырьевой экспорт) определял до 50% темпа экономического роста» // Пояснительная записка Минэкономразвития России о сценарных условиях для формирования вариантов прогноза социально-экономического развития в 2013–2015 гг. Минэкономразвития России, 2012; «В 2000-е годы динамичный рост российской экономики со среднегодовым темпом около 7% более чем наполовину определялся эффектом улучшения внешнеэкономической конъюнктуры, ростом добычи и экспорта углеводородов и сырья, а также реализацией общих преимуществ догоняющего развития (около 4 п. п. прироста ВВП в год)» // Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. Минэкономразвития России, 2013.

восстановления и обновления обрабатывающих производств. Если к 2008 гг. добывающие производства не только восстановили потери, но и превзошли уровень 1991 г., то объемы производства в обрабатывающем секторе на 17% отставали от уровня 1991 г. По итогам 2016 г. объемы производства в добывающих отраслях, несмотря на кризисы 2009 г. и 2015–2016 гг. с их резким падением внешнеторговых цен на энергосырьевые ресурсы, составили 115,6% к уровню 1991 г., в то время как в обрабатывающих отраслях – 85,8%, т. е. практически остались на уровне 2008 г. По существу, это означает еще большее углубление сложившегося во времена СССР так называемого «сырьевого перекаса» российской экономики.

Экспертное сообщество и экономические власти понимали, что устойчивое социально-экономическое развитие на такой основе невозможно. Поэтому в документах, определяющих экономическую политику, включая Концепцию-2020, присутствовала ориентация на использование естественных конкурентных преимуществ российской экономики в энергосырьевом секторе для развития высокотехнологичного конкурентоспособного диверсифицированного производства продукции с высокой долей добавленной стоимости. Отставание в этой области (за исключением отдельных секторов ВПК и связанных с ним космических и ядерных технологий) закладывалось еще в советской экономике. При этом речь идет прежде всего о состоянии машиностроительного производства, создающего орудия труда и технологии. Именно здесь нарастала доля производства морально устаревшей, неконкурентоспособной техники и технологий, что отражалось в их вытеснении с международных рынков (табл. 3).

Таблица 3

Показатели динамики технического уровня производства СССР, %

Показатель	Период	
	1967 г.	Начало 1980-х годов
Удельный вес продукции, выпускаемой одиннадцатью министерствами гражданского машиностроения свыше 10 лет	16,2	30,6
Доля экспорта машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме экспорта СССР (включая реэкспорт)	1970	1985
	21,5	13,6

Источники: Народное хозяйство СССР в 1985 году. М.: Финансы и статистика. 1986. С. 575; Плановое хозяйство. 1985. № 4. С. 92.

В конце 1980-х годов Председатель Совета министров Н. И. Рыжков отмечал, «... что по ряду важнейших направлений научно-технического прогресса мы начали отставать от происходящей в мире научно-технической революции» [11].

Все это повело к тому, что события 1990-х годов особенно тяжело сказались на машиностроительных отраслях, объемы производства которых к 2000 г. сократились на две трети. Последующий экономический рост не привел к принципиальному изменению сложившейся ситуации. К 2008 г. машин и оборудования производилось на треть меньше, чем в 1991 г.¹ При этом само машиностроение развивалось крайне неравномерно (рис. 1).

Такая динамика не позволяла полноценно производить замену физически и морально устаревшей техники. На научной сессии Российской академии наук (декабрь 2008 г.) были оглашены итоги исследования технологической базы российской экономики. Констатировалось, что страны-лидеры освоили пятый технологический уклад

¹ В результате доля продукции машиностроения и металлообработки в экономике страны составляла менее 20% объема промышленной продукции, в то время как в развитых странах – 30–50%.

и начинают переход к шестому, а российская экономика в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого (см.: [8]). Это уже создавало угрозу обеспечения оборонной достаточности страны¹.

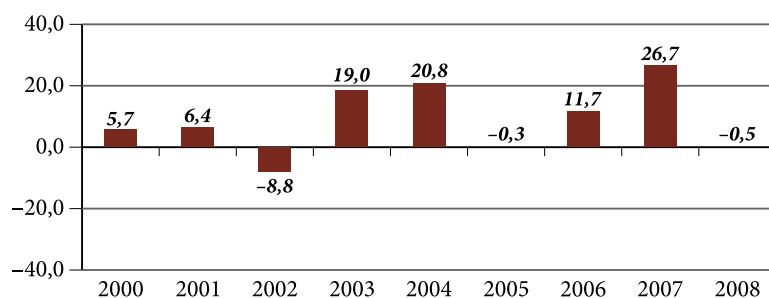

Рис. 1. Динамика темпов прироста производства машин и оборудования, % к предыдущему году

Сложившаяся ситуация делала проблематичной решение поставленной в Концепции-2020 задачи перехода к устойчивому развитию². Это отчетливо проявилось в конце 2008 г. и в 2009 г., когда экспортные цены на российскую нефть упали почти на 40%³. После кратковременного «всплеска» в 2010–2011 гг., что позволило восстановить потерянные в ходе кризиса объемы ВВП, цены начали стагнировать, перейдя в 2015–2016 гг. в «обвальное» падение⁴. В целом за 2010–2016 гг. их снижение составило в среднегодовом исчислении –0,7%. Соответственно стагнировали (как было показано выше) и темпы экономического роста с переходом в 2015 г. в фазу кризиса. Важно отметить, что, если падение цен на нефть в 2008–2009 гг. было следствием мирового финансово-экономического кризиса, то ситуация 2015–2016 гг. развивалась на фоне роста мировой экономики⁵.

Как показывают исследования, ныне доля «старых» (введенных до 2000 г.) мощностей в производстве машин и оборудования составляет около 40%, при этом примерно четверть всех мощностей должны быть отнесены к неконкурентоспособным [3. С. 74].

¹ Выступая на совещании о реализации государственной политики в области развития ОПК на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу (20 февраля 2012 г.), В. В. Путин отмечал: «...20 трлн предусмотрели на гособоронзаказ до 2020 года, а как его выполнять, если мы хотим получить новейшие образцы вооружения на старом оборудовании?! Значит, начинать-то надо, прежде всего, с самого оборонно-промышленного комплекса: нужны новые станки, новые технологические линии».

² «Неустойчивость развития обрабатывающих, прежде всего машиностроительных, производств, уступающих импорту в конкуренции за внутренний рынок, в сочетании с низкими темпами роста экспорта создают угрозу возобновления тенденции к замедлению экономического роста» // Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2007 г., параметры прогноза на период до 2009 г. и предельные уровни цен (тарифов) на продукцию (услуги) субъектов естественных монополий. Минэкономразвития России, 2006. Авг.

³ «В наиболее острой фазе кризиса (IV квартал 2008 г. – первая половина 2009 г.) сокращение экспортных доходов и, как следствие, сжатие внутреннего спроса стали причиной снижения ВВП на 4,6–5,0 процентных пункта, или почти 50% общего падения» // Прогноз социально-экономического развития РФ на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг. Минэкономразвития России, 2010.

⁴ В 2015 г. среднегодовые цены на экспортируемую из России сырую нефть снизились на 46,9%, в 2016 г. – на 21%.

⁵ Так, в 2015 г. мировой ВВП вырос на 3,1%, в том числе США – на 2,4%; ЕС – на 1,6%; КНР – на 6,9%.

В результате возникла критическая импортозависимость экономики в продукции машиностроительного комплекса¹. Таким образом, без кардинального технологического обновления российской экономики, перехода ее на новый технологический уклад невозможно устойчивое развитие.

В современных условиях материальной базой устойчивого развития, способного противостоять неизбежным флуктуациям глобальной экономики, является:

- наличие критической массы национальных корпораций, встроенных в международные производственные цепочки на технологически высоких ступенях переработки, а также способных быть модераторами международных производственных цепочек, формирующих новые технологические уклады;
- наличие отечественных производителей, создающих конкурентоспособные продукцию и услуги в объемах, обеспечивающих эффективную занятость. Создание таких производств обеспечивается прежде всего отраслями, образующими «ядро саморазвития» экономики: набором машиностроительных производств, обладающих способностью своим совместным действием воспроизводить в натуре самих себя (производство средств производства для производства средств производства), а также орудия труда для других отраслей машиностроения, не участвующих в вещественном саморазвитии, в том числе для отраслей ВПК (в СССР доля отечественных станков в производственных процессах ВПК составляла более 90%) и для всех остальных отраслей народного хозяйства.

В силу геополитических обстоятельств такой комплекс необходим России, даже если он будет недостаточно эффективным с точки зрения сравнительных конкурентных преимуществ [5. С. 11, 14]. «Опыт США, Японии и Германии показывает, что импорт машиностроительной продукции для отраслей жизнеобеспечения и для самого машиностроительного ядра развития ведущей роли в этих странах не играет» [1. С. 86]).

Институциональный фактор развития российской экономики

Экспертное сообщество и экономические власти в целом едины в понимании приоритета перевода российской экономики на новый технологический уклад как исходного условия устойчивого социально-экономического развития в стратегической перспективе. Не случайно постоянно повторяется тезис о необходимости новой индустриализации (реиндустриализации).

Нельзя не отметить, что в этом направлении осуществлялось значительное число организационно-экономических мер. Тем не менее принципиальных сдвигов не происходит. Более того, после 2010 г. наметилась тенденция снижения доли машиностроительных предприятий, осуществляющих технологическое обновление, в результате чего к 2015 г. этот показатель вернулся к 2002 г. (12,6%): 2008 г. – 16,9%; 2010 г. – 14,8%; 2011 г. – 15,3%; 2012 г. 14,8%; 2013 г. – 14,9; 2014 г. – 14,6%; 2015 г. – 12,9%.

В целом удельный вес организаций промышленности, осуществляющих технологические инновации, в 2015 г. составил 9,5%. Отметим, что согласно Стратегии инновационного развития России на период до 2020 года, утвержденной 8 декабря 2011 г., таких организаций должно было быть 20%. Ясно, что показателя 25%, предусмотренного госпрограммой «Экономическое развитие и инновационная экономика» (утверждена 29 марта 2013 г.), в оставшиеся три года достичь не удастся.

Экспертное сообщество в целом согласно, что причина кроется в институтах, сложившихся в этой части экономической системы. Вместе с тем внимание здесь зачастую

¹ По данным заместителя министра промышленности и торговли В. Осмакова, доля импорта в потреблении станкоинструментальной продукции по гражданским отраслям обрабатывающей промышленности в 2014 г. составила 92%, а за первые 9 месяцев 2016 г. – 88% (Импортозамещение // Российская газета. 2016. 15 дек. С. А4).

сосредоточивается на механизмах экономических предпочтений для субъектов, создающих высокотехнологическую продукцию и осуществляющих технологические нововведения. Эти механизмы, безусловно, важны, и их надо всемерно развивать. Однако эффективность их действия во многом зависит от наличия фундаментальных институтов, способствующих переходу на новый технологический уклад.

Прежде всего стратегия социально-экономического развития должна фиксировать абсолютную приоритетность этого проекта, подчиняя его реализации все свои составляющие (социальные, пространственные, отраслевые, финансовые и т. д.). В этой связи нельзя допустить, чтобы сам по себе абсолютно правильный тезис о необходимости наращивания темпов экономического роста «встал в один ряд» с приоритетом технологического обновления. Выступая на XIX Всесоюзной конференции КПСС, Л. И. Абалкин, говоря о принятой тогда концепции социально-экономического развития, предполагающей одновременное обеспечение количественного роста и качественных преобразований, отмечал, что «...с точки зрения науки эти задачи несовместимы. ...Продолжая ориентацию на объемный, чисто количественный рост экономики, мы не в состоянии решить проблему кардинального улучшения качества продукции, технического перевооружения народного хозяйства, повышения эффективности»¹. И, хотя этот тезис тогда же был подвергнут критике, вплоть до обвинений в «экономическом детерминизме», жизнь показала его правоту. Необходимо понимать, что принятые объемные показатели экономического роста характеризуют текущее состояние экономической активности, не давая представлений о перспективах устойчивого развития. Именно поэтому они должны рассматриваться не в качестве целевых, а в совокупности с ключевыми показателями, характеризующими качество социально-экономического развития². В нашем случае рост ВВП должен быть следствием перевода экономики на новый технологический уровень, и только в этом качестве он послужит мерилom устойчивого развития³.

Понятно, что, с одной стороны, с учетом масштабности российской экономики ее технологическое перевооружение требует достаточно длительного времени, но с другой – существенные результаты должны быть получены в короткий (5–7 лет) период⁴. Отсюда понятно, что такого рода технологический прорыв невозможен без масштабной инвестиционной активности государства. Справедливы указания на риски подобной активности (ошибки в определении первоочередных приоритетов, инфляционные риски, неэффективность государственных институтов и т. д.) Однако понимание этих рисков должно вести не к сдерживанию активности, а к созданию институтов, их минимизирующих.

Вместе с тем, делая ставку на инвестиционную активность государства, необходимо помнить, что она может принести лишь ограниченный результат. В силу объективно присущих экономической системе свойств государство способно осуществить

¹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: стенографический отчет : в 2 т. М. : Политиздат, 1988. Т. 1. С. 116–117.

² Не стоит уподобляться тем, о ком 60 лет назад писал Дж. Гелбрейт, для кого при формировании экономической политики валовые показатели являются «...единственным мерилom социальных достижений. Таков современный критерий добра и зла. Предполагается, что Святой Петр задает тому, кто стучится в ворота рая, лишь один вопрос: что ты сделал для увеличения валового национального продукта?» [4].

³ Аналогичную позицию занимают и авторитетные современные исследователи, отмечая, что «...стараясь увеличить ВВП, мы рискуем в итоге получить общество, в котором граждане живут хуже» [13].

⁴ В каком-то смысле к нынешней ситуации применим тезис, высказанный более 80 лет назад: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [12. С. 39].

значимые технологические прорывы лишь в относительно узких, хотя имеющих важное значение (ВПК и связанные с ним секторы), секторах экономики. Опыт СССР показал, что государство в принципе не способно ни обеспечить масштабный трансфер создаваемых в ВПК технологий в другие отрасли экономики, ни осуществить аналогичные технологические сдвиги за пределами означенного круга секторов. Поэтому инвестиционный импульс государства в направлении технологических сдвигов даст макроэкономический эффект лишь при условии, что он будет поддержан некоторой критической массой предпринимателей.

Отсутствие значимых позитивных сдвигов в динамике технологических инноваций определяется не отсутствием соответствующего предложения. Косвенным показателем того, что российские предприниматели имеют возможность удовлетворять запрос на отечественные новшества, является рост (вплоть до кризиса 2015 г.) числа патентов, выданных российским заявителям (табл. 4). Об этом же говорят и многочисленные инновационные ярмарки, на которых демонстрируются вполне конкурентоспособные отечественные технологии.

Ограничения возникают со стороны спроса на продукцию, способную изменить технологический облик экономики. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечалось, что ключевой проблемой является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике и ни частный, ни государственный секторы не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций. Не случайно наблюдаемые сдвиги в технологическом обновлении происходят лишь в тех отраслях, где этот спрос непосредственно формирует государство (оборонно-промышленный комплекс и связанные с ним секторы).

Представляется, что в сложившихся условиях без создания институтов, обеспечивающих спрос отечественных предпринимателей на отечественную технологически новую инвестиционную продукцию, добиться положительных сдвигов в технологическом перевооружении российской экономики, встроиться в международные технологические цепочки на высоких ступенях переработки или стать источником таких цепочек будет крайне затруднительно, если вообще возможно.

Экономическая наука давно обосновала тезис: инвестиционный предпринимательский спрос на технологическое обновление формируется либо необходимостью снижения издержек при производстве уже выпускаемой продукции, либо для вывода на рынок обновленной или принципиально новой продукции. Движителем такого спроса является механизм предпринимательской конкуренции¹. Никакая государственная финансовая поддержка не обеспечила бы достижения отечественного ВПК, если бы его продукция не создавалась в жесткой борьбе за мировое технологическое лидерство в данной области.

¹ «...Капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. ...Этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства» [6. С. 329]. При этом К. Маркс ссылается на общеизвестность этого процесса, цитируя издание 1720 г. («The Advantages of East-India Trade to England». London, 1720, p. 67): «...всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость и соревнование или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так чтобы все находилось в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» (цит. по: [6]). Позже эти взгляды были развиты Й. Шумпетером в его монографии «Теория экономического развития» (1912 г.), в которой было показано, как в результате перетока ресурсов от предпринимателей-консерваторов к предпринимателям-новаторам происходит смена технологических укладов [14].

Таблица 4

Динамика выдачи патентов российским заявителям, % к 2000 г.

Вид патента	2005	2010	2015	2016
Изобретение	134,6	149,7	156,2	145,5
Полезная модель	172,1	251,9	207,5	209,5
Промышленный образец	132,7	141,8	165,4	145,0

Тезис о недостаточной развитости институтов конкуренции давно стал общим местом в публикациях по вопросам социально-экономического развития страны. Причина этого видится прежде всего в сохраняющемся монополизме экономики. Однако, соглашаясь с такой постановкой, нельзя не отметить и то, что российская нормативная база, направленная на борьбу с монополистическим подавлением конкуренции, по мнению и отечественных, и зарубежных специалистов, вполне соответствует тому, что принято называть лучшими международными стандартами. Видимо, корень проблемы не в недостатках нормативной базы и даже не в том, что юристы называют правоприменительной практикой (хотя, конечно, и то и другое можно и нужно совершенствовать).

Конкуренцию в условиях действия рыночных механизмов отменить или подавить в принципе невозможно. Проблема в том, какие инструменты используются в конкурентной борьбе. Набор их достаточно широк – от криминальных силовых приемов, использования монопольного положения, покровительственных преференций со стороны власти или ее представителей до применения лучших организационных и технологических практик. Задача, следовательно, состоит не в том, чтобы развивать конкуренцию вообще, а в том, чтобы побудить предпринимательский интерес к активному использованию последних.

Однако на пути формирования такого спроса есть ряд серьезных препятствий. Еще К. Маркс отмечал, что «...издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий...Предприниматели – пионеры в своем большинстве терпят банкротство» [7. С. 116]¹.

Таким образом, необходимо создание институтов, устраняющих избыточные риски технологического обновления. Речь идет не только об институтах экономических преференций для предпринимателей, идущих по пути технологического обновления или создающих продукцию (технологии) для такого обновления. Не менее важно наличие институтов, делающих риски технологического совершенствования производства или создаваемой продукции хотя бы сопоставимыми с рисками использования иных (нежелательных) инструментов конкуренции. На первое место следует поставить институты, исключающие неправовое вмешательство органов власти и управления и их представителей в предпринимательскую деятельность². Необходимо помнить, что такое вмешательство обусловлено не столько низким качеством соответствующих правовых институтов или низкой правовой культурой носителей власти, сколько объектив-

¹ На это же указывают и современные авторы. Основатель компании Grid Dynamics (Кремниевая долина, US) В. Лившиц отмечает: «...есть статистика, что из десяти хороших инициатив одна станет очень успешной. Две выживут, а семь разорятся. ...Причем десять проектов не просто так с улицы пришли, они были лучшими из лучших» (цит. по: [2. С. 3]).

² «Издержки для бизнеса могут колебаться – ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от степени „расположения“ к тебе определенных людей внутри государственного механизма. ...Но такой „договорившийся“ бизнес в свою очередь будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников... вместо того, чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий» [10].

но присущих любому государству патерналистских тенденций. С учетом накопленной Россией в этой области исторической инерции опора на инвестиционную активность государства создает огромный риск нового огосударствления всей системы экономических отношений. Последствия этого хорошо известны, поэтому важнейшим является вопрос о создании институтов, предотвращающих такое развитие событий. Опыт показывает, что базой таких институтов может быть только развитое гражданское общество.

Необходимо также иметь в виду, что технологическое обновление требует не только больших затрат при высоких рисках. Как правило, инвестиции в эту сферу имеют достаточно длительный срок окупаемости. Без уверенности предпринимателей в стабильности экономической ситуации осуществлять такие инвестиции крайне затруднительно. Подтверждением этого тезиса служат результаты обследования предприятий Росстатом на предмет выявления факторов, ограничивающих рост производства (рис. 2).

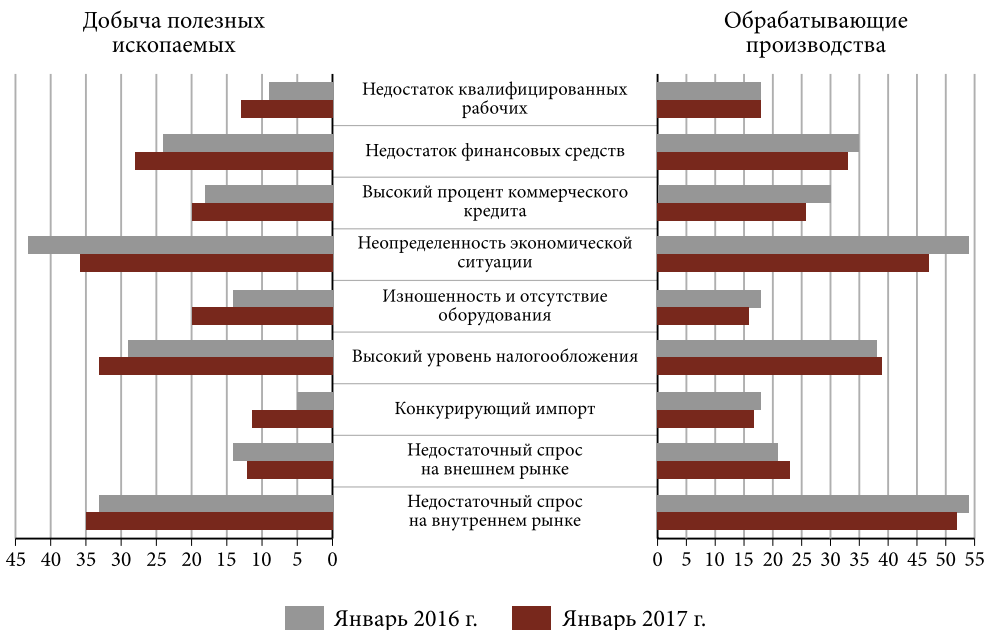

Рис. 2. Оценка факторов, ограничивающих рост производства, % от числа опрошенных

Позиция неопределенности экономической ситуации здесь устойчиво занимает первое место, обгоняя такие «привычные» аргументы, как недостаток собственных финансовых средств и высокая стоимость кредитов.

Конечно, стабильность экономической ситуации определяется многими, в том числе внешними, обстоятельствами, но нельзя не отметить, что значительную лепту в предпринимательские ожидания вносит последовательность проводимой экономической политики. Постоянная смена приоритетов и их формулировок (инновации, модернизация, цифровая экономика), публичные дискуссии экономических властей о необходимости и содержании тех или иных институциональных (структурных) реформ (с добавлением тезиса об их неизбежной непопулярности) и т. п. отнюдь не способствуют формированию предпринимательской уверенности при принятии масштабных (тем более долгосрочных) инвестиционных решений.

Наконец, стратегически необходимо предусмотреть создание институтов, способствующих утверждению на отечественном и зарубежном рынках представлений о конкурентных преимуществах производимой российскими предпринимателями инвестиционной продукции. Для входа на рынок (тем более международный) важ-

но не только то, чтобы предлагаемый продукт по соотношению цена – качество был лучше, чем у конкурентов, или удовлетворял какую-то новую потребность, предлагал лучшие условия при его покупке и послепродажного сервиса. Не менее важно, чтобы потенциальные покупатели поверили в это. Изначальными преимуществами обладает продукция с широко известными торговыми марками (брендами). Нынешний и потребительский, и инвестиционный рынки давно поделены между всемирно известными производителями, и завоевать место новичку здесь крайне затруднительно, особенно если он представляет страну, имеющую не лучшую репутацию с точки зрения способности ее предпринимателей производить качественную продукцию.

Вместо заключения

Успешность реализации любой стратегии зависит не только от ее научной выверенности, но и от восприятия ее обществом. Жизненная необходимость технологического обновления должна осознаваться не только специалистами, а быть составной частью общественного сознания. Известное положение о том, что теория, овладевшая массами, становится материальной силой, необходимо в полной мере учитывать при конструировании механизма реализации предлагаемой стратегии.

В этой связи следует обратить внимание, во-первых, на общественный авторитет носителей идеи технологического обновления, во-вторых, на отношение общественного сознания к акторам технологического обновления.

Дело в том, что движение в сторону технологического обновления предполагает наличие в обществе некоей критической массы тех, кого Й. Шумпетер называл предпринимателями-новаторами. Вместе с тем еще Д. Норт отмечал ошибочность представлений о том, «...что жизнь и экономические процессы подчиняются писаным законам и правам собственности. Однако даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями» [9. С. 56]. В этой связи необходимо помнить, что нынешние лидеры российского предпринимательства, которые, казалось бы, должны быть и лидерами в борьбе за технологическое превосходство, сформировались в качестве предпринимателей не в ходе конкуренции за рынки через нахождение организационно-технологических новшеств, а из конкуренции за раздел и передел собственности, требующей совсем иных умений. Поэтому далеко не всегда можно ожидать от них поведения, характеризующего шумпетерианских «предпринимателей-новаторов». Конечно, соответствующие изменения институциональной среды будут способствовать появлению тех предпринимателей, чей талант будет направлен на необходимые преобразования. Однако представляется, что они должны быть дополнены мерами, формирующими в общественном сознании привлекательный образ предпринимателя, нацеленного на поиск новых организационно-технологических решений.

Каждый шаг в технологическом обновлении должен сопровождаться зримыми позитивными переменами в качестве жизни населения. Призывы «затянуть пояса ради счастья будущих поколений», которые были в ходу в СССР, или похожие на них установки о необходимости ради будущего «счастья» провести жесткие для ныне живущих институциональные (структурные) реформы поведут лишь к отторжению намечаемых преобразований.

Источники

1. Амосов А. И. О формировании теории эволюционной экономики // Эволюционная экономика и «мейнстрим». М. : Наука, 2000.
2. Билевская Э. Кремль оценит риски // Независимая газета. 2010. 11 авг.

3. Галимов Д. И., Гнидченко А. А., Михеева О. М., Рыбалка А. И., Сальников В. А. Производственные мощности обрабатывающей промышленности России: важнейшие тенденции и структурные характеристики // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 60–88.
4. Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество : пер. с англ. М. : Прогресс, 1969.
5. Маевский В. И. О началах экономической генетики (концептуальные подходы) // Вопросы экономической генетики. М. : ИЭ РАН, 1993.
6. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
7. Маркс К. Капитал. Т. 3, ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1.
8. Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России» // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 3. С. 195–260.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997.
10. Путин В. В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. 2012. 30 янв.
11. Рыжков Н. И. О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны. М. : Политиздат. 1987.
12. Сталин И. В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Соч. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 13.
13. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса : пер. с англ. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.
14. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982.

The Political Economy of Sustainable Development

by Dmitry Ye. Sorokin

The paper justifies the proposition that the main material cause behind the failure to achieve the strategic objective of moving towards sustainable development, which was stipulated in the Concept of long-term socioeconomic development for the period 2008–2020, is outdated and depreciated equipment and technologies used in the Russian economy. Efforts in this direction have yielded limited results, thus posing a major threat to national security in the long term. Accordingly, a key objective of the strategy of socioeconomic development for the coming period must be the transition of the Russian economy to the new technological mode, and all sections of the strategy and performance indicators should target it. The transition to a new technological mode can be maintained by economic sectors forming a technological “core of self-development” (producing means of production to produce means of production). The creation of such a core requires a specific set of institutions. In this situation, the country needs the institutions of state support of investment activities, which, however, will bring significant results only provided a critical mass of entrepreneurs is involved. This requires constantly increasing business demand for new equipment and technologies. To foster this demand it is necessary to ensure the existence of both economic incentives for the entrepreneurs engaged in modernising the technological base, and institutions that prevent the risk of nationalisation. These institutions should guarantee the predictability of economic policy, form a positive perception of high-tech investment products of Russian origin, as well as generate public support for the proposed strategy.

Keywords: sustainable development; strategy; technological modernisation; competitiveness; machine building industry; innovative entrepreneurs; entrepreneurial confidence; public consciousness.

References:

1. Amosov A. I. O formirovanii teorii evolyutsionnoy ekonomiki [On the formation of the theory of evolutionary economics]. In: *Evolutsionnaya ekonomika i “meynstrim”* [Evolutionary economics and the mainstream]. Moscow: Nauka, 2000.

2. Bilevskaya E. Kremľ' otsenit riski [The Kremlin will assess the risks]. *Nezavisimaya gazeta – Independent Newspaper*, 2010, 11 Aug.

3. Galimov D. I., Gnidchenko A. A., Mikheeva O. M., Rybalka A. I., Sal'nikov V. A. Proizvodstvennye moshchnosti obrabatyvayushchey promyshlennosti Rossii: vazhneyshie tendentsii i strukturnye kharakteristiki [Production capacities of the processing industry in Russia: The most important trends and structural characteristics]. *Voprosy ekonomiki – The Issues of Economics*, 2017, no. 5, pp. 60–88.

4. Galbraith J. Novoe industrial'noe obshchestvo [The new industrial state]. Moscow: Progress, 1969.

5. Maevskiy V. I. O nachalakh ekonomicheskoy genetiki (kontseptual'nye podkhody) [On the principles of economic genetics (conceptual approaches)]. In: *Voprosy ekonomicheskoy genetiki* [Issues of economic genetics]. Moscow: Institute of Economics of RAS, 1993.

6. Marx K. Kapital. T. 1 [Capital. Vol. 1]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya T. 23* [Collected works. Vol. 23].

7. Marx K. Kapital. T. 3, ch. 1 [Capital. Vol. Part. 1]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya T. 25, ch. 1*. [Collected works. Vol. 25. Part 1].

8. Nauchnaya sessiya Obshchego sobraniya RAN “Nauchno-tekhnologicheskii prognoz – vazhneyshiy element strategii razvitiya Rossii” [Scientific session of the General Meeting of the Russian Academy of Sciences “Scientific and technological forecast as the most important element of the development strategy of Russia”]. *Vestnik RAN – Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2009, vol. 79, no. 3, pp. 195–260.

9. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow: Nachala Publ., 1997.

10. Putin V. V. Nam nuzhna novaya ekonomika [We need a new economy]. *Vedomosti – Vedomosti*, 2012, 30 Jan.

11. Ryzhkov N. I. *O perestroyke upravleniya narodnym khozyaystvom na sovremennom etape ekonomicheskogo razvitiya strany* [On the reorganisation of the management of the national economy at the present stage of the country's economic development]. Moscow: Politizdat Publ., 1987.

12. Stalin I. V. *O zadachakh khozyaystvennikov. Rech' na pervoy Vsesoyuznoy konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoy promyshlennosti 4 fevralya 1931 g.* [On the economic tasks. Speech at the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry on February 4, 1931]. In: Stalin I. V. *Sochineniya* [Collected works]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1951. Vol. 13.

13. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. *Neverno otsenivaya nashu zhizn': pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa* [Mismeasuring our lives: Why GDP doesn't add up? Report of The Commission on the measurement of economic performance and social progress]. Moscow: Gaydar Institute, 2016.

14. Schumpeter Y. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of economic development]. Moscow: Progress Publ., 1982.

Contact Info:

Dmitry Ye. Sorokin, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Dr. Sc. (Econ.), Prof., Scientific Supervisor
e-mail: ds@fa.ru
Phone: (499) 943-98-55

Financial University under the Government
of the Russian Federation
49 Lenigradsky Ave., Moscow, Russia, 125993

Ссылка для цитирования:

Сорокин Д. Е. Политическая экономия устойчивого развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). С. 20–33.

For citation:

Sorokin D. Ye. Politicheskaya ekonomiya ustoychivogo razvitiya [The political economy of sustainable development]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Journal of the Ural State University of Economics*, 2017, no. 5 (73), pp. 20–33.